

# Страницы псковского краеведения

Н. Ф. Левин

## Педагог, писатель и краевед Николай Иванович

Изучающим биографию Николая Ивановича Иваницкого повезло. В мае 1843 года, когда ему уже минуло 27 лет, он решил вести дневник, а предварительно вспомнить прожитые годы. Толчком послужило чтение статьи Гёте «Wahrheit und Dichtung» («Правда и вымысел»), хотя, в отличие от немецкого классика, за мемуары он взялся не для читателей, а для самого себя. Работа над воспоминаниями продолжалась семь месяцев, и только 17 декабря была сделана первая дневниковая запись. Впрочем, более или менее регулярно они велись года три, затем – с большими перерывами, а в декабре 1848 года вовсе прекратились.

Ни воспоминания, ни тем более дневник, в котором прямо порицался самодержавный строй России и приветствовались революционные события в Европе 1840-х годов, Иваницкий действительно не публиковал. Они увидели свет только через 50 лет после его смерти в восьмом выпуске известных «Щукинских сборников» за 1909 год, издававшихся музеем Петра Ивановича Щукина – отделением Императорского Российского исторического музея имени Александра III. Они заняли 140 страниц крупноформатного сборника и назывались «Автобиография Николая Ивановича Иваницкого».

---

Левин Натан Феликсович – псковский краевед

В научном мире эта публикация стала наиболее востребованным произведением Иваницкого. «С любезного позволения П. И. Щукина» уже в октябрьский номер «Русского архива» П. И. Бартенев включил наиболее интересные выдержки, назвав их «Из биографии Н. И. Иваницкого». Интерес к его автобиографии не случаен. Иваницкий, как очевидец, рассказал о многих событиях времени его учёбы в столице: открытие Александровской колонны на Дворцовой площади, переезд университета на Васильевский остров, пожар в Зимнем дворце, разговоры о дуэли и смерти Пушкина, упомянул приписываемое ему грустное обращение к жене:

*«Люблю тебя, моя комета,  
Но не люблю твой длинный хвост»...*

Эта часть мемуаров Иваницкого сразу была включена в 13-й выпуск сборника «Пушкин и его современники», вышедший в 1910 году, а позднее, в 1931 году, М. А. Цявловским – в «Книгу воспоминаний о Пушкине».

Мемуары Иваницкого позволяют воссоздать немало страниц его биографии. Со слов родителей он указал, что родился 2 (16) января 1816 года в деревне Широгорье, в 25 верстах от уездной и губернской Вологды. К сожалению, сведений о родителях там почти нет. Лишь в конце дневника, говоря о смерти матери от

холеры 3 июля 1848 года, Н. И. упомянул, что отцу скоро будет 70 лет, из которых 35 он был женат. Биографический словарь «Русские писатели. 1800-1917» (т. 2, М., 1992, с. 366) в статье о старшем брате Николая – Александре Ивановиче Иваницком, опубликовавшем в 1839-1844 годах пять романов и повестей, отметил лишь: «Из обер-офицерских детей». Ко времени рождения Николая отец уже не служил в армии, с 1817 года работал управляющим Серёговским солеваренным заводом купца Рыбникова в Яренском уезде. В 1823 году семья переехала в Вологду и вскоре приобрела там собственный дом. Для первоначального обучения Николая наняли семинариста.

В 1824 году, несмотря на малолетство, Николая приняли в гимназию. Уже там проявились его литературные увлечения. С 4-го класса он начал писать стихи, позднее вместе с одноклассниками выпускал рукописный журнал «Василёк». Свою басню «Голубь и муравей» ему разрешили прочесть в 7 классе на торжестве по случаю введения новых штатов гимназии. Тогда же он переложил на стихи прозаический перевод идиллии швейцарского поэта Соломона Геснера «Миртилл», сочинил стихотворную повесть «Хижина». На торжественном акте после 7-го класса Иваницкий сделал сообщение «О влиянии монголо-татарского владычества на Россию».

После обязательного семиклассного курса гимназисты по совету учителя остался в дополнительном, 8-м классе, чтобы подготовиться к поступлению в университет. Окончив учёбу в гимназии, написав перед отъездом стихотворение «Прости», Николай 23 августа 1833 года отправился в Петербург. Вступительные экзамены на первое, историко-филологическое отделение философского факультета он сдал блестяще, и всё же после настойчивых просьб ему удалось поступить на «казённый кошт».

Портреты Н. Иваницкого неизвестны. Поэтому, чтобы представить, как он выглядел в те первые студенческие годы, воспользуемся его воспоминаниями. *«Я был, в полном смысле, прекрасный юноша: цвету и милому выражению лица все завидовали; голова моя была сформирована счастливо, лоб широкий и полный, нос прямой и довольно длинный; брови и волосы тёмные; грудь широкая и сильная; шея жилистая и крепкая; голос звучный и прият-*

*ный; ростом был немногим ниже теперешнего, а теперь рост мой 2 аршина 8 вершков (178 см – Н. Л.). В нравственном отношении я также имел довольно счастливую организацию. Я мог скоро усвоить всё и применять каждую мысль к жизни; память имел хорошую, воображение живое; был чувствителен и добр даже до самоотвержения; только мечтательность развита была в высшей степени. Одним словом, я имел самое счастливое сложение тела и души».* Заметим, что и пишет он бойко.

Естественно, что на историко-филологическом отделении молодой студент продолжал свои литературные опыты. Вспоминая о рукописном студенческом журнале, он самокритично признавался: *«Я по обыкновению был самым ревностным сотрудником: писал много, но для того только, чтобы написать, а об усовершенствовании и не думал».* Журнал издавался довольно просто: кто хотел, переписывал своё сочинение, а затем они сшивались в одну тетрадь. Впрочем, уже первая его публикация в журнале (стихотворный перевод с польского небольшой поэмы Юлиуша Словацкого «Исповедь монаха») принесла ему уважение со стороны студентов. Вскоре он получил прозвище «Гёте», так как долго занимался переводами его поэмы «Герман и Доротея». На Иваницкого обратили внимание и преподаватели русской словесности университета Пётр Александрович Плетнёв и Александр Васильевич Никитенко. Они нашли ему частные уроки, без которых он бедствовал на первом курсе. А также отстояли после второго курса, когда он не уделил внимания древним языкам и всеобщей истории, и 23 августа 1835 года Министр народного просвещения «по малоуспешности» наметил Иваницкого к назначению в учителя. По просьбе профессоров Министр в ноябре распорядился оставить его в университете до окончания полного курса.

## В Пскове

Посещая литературные «среды» Плетнёва и «пятницы» Никитенко, Николай Иваницкий познакомился со многими известными писателями и, как вспоминал позднее, именно там «образовал свой вкус». На последних курсах сбоев в учёбе больше не было, выпускные

экзамены прошли успешно, и Иваницкий закончил университет со степенью кандидата. 21 июня 1838 года его назначили старшим учителем логики и русской словесности Псковской мужской гимназии. *«Этот звук был совершенно новым для меня, и я никак не мог представить себе, что это за город Псков. Впрочем, лучшего места нельзя было и желать»*, так как в столице вакансий не было, а от предложения преподавать историю в Вологде он отказался. *«Моим предметом была словесность!»*.

В наш город Иваницкий приехал 3 августа. *«Жизнь во Пскове мне сначала очень нравилась. Климат прекрасный и очень благотворный; при каждом почти доме сад, где на открытом воздухе растут разных сортов яблоны, вишни, сливы, крыжовник и пр. Город древний; кругом его стены с башнями; много старинных домов, самые названия улиц и кварталов напоминают о временах республиканских. Река быстрая и широкая. В городе находится дивизионный штаб и постоянно стоит Екатеринбургский гренадерский полк. Гимназия тоже понравилась с первого разу. Директор (Илларион Николаевич Скрыдлов) оказался очень добрым, инспектор (барон Мену) тоже. Оба они приехали во Псков за несколько дней до меня: один переведён был из Архангельска, а другой из Новгорода. Прочие учителя тоже хорошие люди... Директор очень любил меня, но инспектора мы скоро узнали хорошо; это был в превосходной степени дурак, подлец и шарлатан, ... забрал в руки директора и играл им, как куклой»*.

Несколько учителей гимназии вместе с Иваницким сначала поселились на Завеличье в большом доме петергофского священника, а к Рождеству переехали ближе к гимназии в дом с прекрасным садом на берегу Великой около Покровской башни. На годичном торжественном акте 4 декабря 1838 года Иваницкий сделал сообщение о состоянии русской литературы во второй половине XVIII и в начале XIX столетия, произвёл сильное впечатление на многочисленных приглашённых лиц. К нему подошёл знакомиться бывший вице-губернатор А. Е. Деденёв; дивизионный генерал барон Розен пригласил учить своего сына, а ссыльный участник польского восстания Адам Гуровский просил давать ему уроки русского языка.

Псковские древности сразу привлекли внимание Иваницкого. Об этом свидетельствует, в частности, его описание своей поездки из Пскова в Прибалтику летом 1839 года. В полутора верстах от городской заставы пугники *«остановились у Печорской часовни* (так автор называл часовню Владычного креста, возле которой проходил крестный ход из Печорского монастыря. – Н. Л.). *Часовня эта древняя. На стене висит картина аришна два с половиной в длину, изображающая осаду Пскова Баторием. Работа лубочная. Большие нет здесь никаких украшений...*

*Перед рассветом показалась Изборская крепость. Она построена на высокой горе; архитектура её такая же, как и архитектура стен и башен Пскова. Вся она выстроена из известкового плитняка; стены без зубцов; некоторые башни полуразвалились. Мы въехали в деревеньку, состоящую из длинного ряда плоских домишек и расположенную вокруг подошвы горы, на которой стоит крепость. Эта-то деревенька и называется защитным городом Изборском. Остановились у дьякона. После чая пошёл на курган за домом дьякона и срисовал вид Изборской крепости. Осматривать крепость было некогда. Впрочем, дьякон рассказал, что все лестницы в стенах развалились, своды подземных ходов обрушились и, следовательно, нечего было и любопытствовать.*

*Кроме того, дьякон рассказал ещё, что Стефан Баторий стоял под Изборской крепостью 7 лет, что осаждённые вынесли наконец на башню образ Божьей Матери, что Она осенила короля и навела на него такой страх, что он бежал без оглядки, что воеводы русские напали на бегущие толпы неприятелей и совершенно разбили их. Бедный Баторий! - подумал я. - Глупый дьякон так бессмысленно пятнает славную память твою!»*.

В «Истории княжества Псковского», составленной киевским митрополитом Евгением (Болховитиновым), бывшим архиепископом псковским, Иваницкий считал лучшим эпизодом описание войны 1581-82 годов. По этому материалу он подготовил сообщение для очередного торжественного акта. Оно было прочитано гимназистом 6 класса А. Песьяцким 19 декабря 1839 года, а затем 21 февраля 1840 года напечатано по просьбе Иваницкого в «Псковских губернских ведомостях»

под заглавием «Осада Пскова Баторием», но без указания автора.

В Вологодской гимназии открылась вакансия учителя русской словесности, и Иван Иваницкий, отец Николая Ивановича, перед Пасхой 1840 года обратился к попечителю Петербургского учебного округа князю М. А. Дондукову-Корсакову с просьбой о переводе сына в Вологду. На запрос попечителя Н. И. ответил согласием. В распоряжении о переводе от 30 апреля 1840 года указывалось, что отправляться к новому месту службы можно только после окончания экзаменов.

В последнее время перед отъездом Иваницкий «часто бывал у знакомых и гулял по городу. Псков стоит того, чтобы помянуть на развалинах его. Под всем городом подземелья. Что шаг, то и памятник... Подле собора стоял дом, принадлежавший некогда тиунам, но он летом 1839 года упал... Недалеко от гимназии, на так называемой Большой улице, стоит часовня Красный крест. Предание говорит, что когда поляки Батория ворвались в пролом, то на этом самом месте они были отражены и погнаны назад. Тут, говорят, нашли церковный окровавленный крест. Вероятно, какой-нибудь священник выходил с ним, но был убит. Два квартала от этой часовни до пролома до сих пор называются Полонищем. Пролом начинается от самой Свиносской башни и продолжается сажени на 30 к Покровской башне. Он был заложен кирпичом, но наскоро, и потому теперь кирпич развалился, так что зимой тут ездят. Недалеко от пролома находится церковь Рождества Богородицы, сооружённая в память отражения приступа 8 сентября 1581 года.

Покровская башня - самая большая, находится на берегу Великой. У неё оканчивается городской ров. Весною снег, растаяв во рву, стремится с крутого берега в реку водопадом. Жители говорят, что Покровский бык заревел, и замечают, что река вскрывается после этого через 12 дней. Замечательно ещё ежегодное наводнение реки Псковы. Она впадает в Великую в самом городе. Оба берега Псковы сажени на 20 отлогие, а потом круто поднимаются высокими скалами. На отлогости стоят дома в один ряд. Когда Великая вскрывается, жители этих домов начинают перебираться в верхние этажи, потому что вода в Пскове

вдруг, в продолжении двух или трёх часов, поднимается сажени на 3 и на 4, - и потом опять так же скоро спадает.

Церквей во Пскове около 70, и все они, за исключением очень немногих новых, чрезвычайно малы; вместо колоколен над папертями выстроены низенькие стенки с двумя или тремя окнами, где висят колокола; звонят с земли». Несмотря на сомнительность легенд, заметки Иваницкого о Пскове представляют некоторый интерес.

Сразу после экзаменов Николай Иванович уехал из Пскова. Таким образом, в первый раз молодой, 22-24-летний педагог проработал здесь два учебных года. И сам удивлялся в мемуарах, что «последний год в университете и два года во Пскове решительно не писал (стихов). Во Пскове написано было только одно стихотворение к К. А. Я. Оно есть в моей книге». П. И. Бартеуев, основываясь, вероятно, только на воспоминаниях Иваницкого, указал в краткой справке о нём, помещённой в «Русском архиве» после публикации «Биографии»: «Стихотворения Иваницкого изданы особою книжкою». Однако, в отличие от остального списка его трудов, Бартеуев не привёл ни названия книги, ни исходных данных. В других библиографических изданиях она вообще не упоминается. Нет её и в фондах Российской национальной библиотеки Петербурга. Из мемуаров Иваницкого видно, что основная часть стихов, вошедших в сборник, сочинена не позднее 1844 года, и можно предположить, что он печатался в Вологде.

## В Вологде

Служба Иваницкого в Вологодской гимназии продолжалась четыре учебных года и была весьма успешной. Он вспоминал: «Дела в гимназии шли хорошо: сам я очень порядочно занимался, да приучил учеников к занятиям; они полюбили словесность... (и) меня всем сердцем, так же, как и я их». Ломяя сложившиеся традиции, талантливый педагог приучил гимназистов не зубрить, а понимать и анализировать произведения.

Росла его популярность и в вологодском обществе. Для торжественного акта 1840 года Иваницкий подготовил «Рассуждение о состоянии отечественной словесности во второй

половине XVIII и в первой половине XIX столетия», то есть расширенный вариант доклада, читанного в Пскове. Оно имело успех, и *«начальство тотчас провозгласило меня оратором»*. На следующем публичном акте 23 ноября 1841 года он декламировал в гимназии своё стихотворение «Бородинская битва», а один из его учеников читал составленное Иваницким сообщение «Приступ Батория ко Пскову». На торжественном акте 15 июня 1842 года он произнёс речь «О современном значении поэзии в России». Рукописные тексты стихотворения «Бородинская битва» и этой речи хранятся в Историческом архиве Петербурга и Ленинградской области (ф. 139, оп. 1, дд. 4795, 4740).

В 1841 году по случаю посещения гимназии вологодским епископом Иннокентием (И. А. Борисовым – будущим известным богословом и проповедником) Иваницкий сочинил «Кант», пропетый гостю. Вместе с владыкой в гимназии побывал профессор русской истории Михаил Петрович Погодин, путешествовавший по северо-восточной России. Познакомившись с ним, Иваницкий при новой встрече передал ему часть собранных им образцов местного фольклора. Как раз в том году Погодин приступил к изданию литературно-научного журнала «Москвитянин», и в его № 12 опубликовал полученные от Иваницкого «Причитания невесты в Вологодской губернии». Письмом от 15 сентября 1841 года он сообщил Погодину, что имеет до трёхсот народных песен и десяток сказок (Рукописный отдел РНБ, фонд Погодина).

В эти годы в Вологде Николай Иванович сочинил немало стихов, как собственных, так и переводных. Некоторые из них в 1842-43 годах ему удалось поместить в «журнале современного просвещения, искусства и образованности в духе русской народности «Маяк». В 1842 году там печатались упомянутое стихотворение о Бородинской битве и лирические стихи «Могильный цветок» (т. 2, кн. 3), «Весна» (т. 4, кн. 8), в 1843 г. – «Падучая звезда» (т. 7, кн. 14) и переводные из Шиллера «Четыре века» (т. 9, кн. 17). Журнал издавал весьма своеобразный человек: сын адмирала Степан Бурачок окончил Училище корабельной архитектуры, строил корабли в Астрахани, преподавал в Морском корпусе, пытался объединить в своём журнале и литераторов и учёных, публикуя также научные статьи, резко критиковал Жуковского,

Пушкина, Лермонтова за недостаточную религиозность. В его журнал Иваницкий обратился, вероятно, потому, что раньше, с 1840 года, в «Маяке» печатался старший брат Александр.

Эти разнообразные занятия не помешали Иваницкому совершенствовать методы преподавания. Многие страницы его дневника заполнены рассуждениями о педагогике. *«Я забочусь больше всего о простоте и истине, а это – главное в учебнике»*. Тот же журнал «Маяк» в 1842 году (т. 4 кн. 7, с. 23-64) опубликовал его статью «О способе преподавания логики в гимназиях и о руководстве к логике Рождественского» с критикой этого учебника и схоластического преподавания предмета. «Журнал Министерства народного просвещения» одобрительно откликнулся на статью. Однако сам Иваницкий хотя и радовался положительной рецензии, но возмущался, как журнал правил его статью. В письме от 14 ноября 1842 года он жаловался А. В. Никитенко: *«С негодованием увидел я, что г. Бурачок прибавил к ней целых три страницы похвал своему журналу, ввёл неосновательные отзывы о логике г. Новицкого и две остроты (очень плоские): одну о профессорах, а другую о греках, - одним словом исказил статью, которая заключала личную мою исповедь, такими выходками, от которых всякий благонамеренный человек покраснел бы до ушей»* (ИРЛИ, шифр 18532).

Осенью 1843 года Иваницкий работал над учебником по риторике (науке об ораторском искусстве), но решил до печатания посоветоваться с университетскими профессорами, на личную встречу с которыми надеялся. В это время через столичных покровителей он хлопотал о месте в столичной гимназии. Провинциальная жизнь ему надоела, о вологодском обществе он отзывался неодобрительно. В марте 1844 года в Вологду приезжал инспектор учебного округа Максимович. Ознакомившись с сочинениями гимназистов, он заявил, что не видел таких интересных работ ни в одной гимназии, и обещал помочь с переездом.

## В Петербурге

Официального перевода Иваницкий так и не дождался. После окончания учебного года он подал прошение об освобождении от служ-

бы в Вологодской гимназии и на свой риск 9 июля 1844 года отправился в столицу. 25 августа ему удалось устроиться по вольному найму заместителем преподавателя Корпуса инженеров путей сообщения, а также получить частные уроки. Только через два года осуществились его первоначальные мечты: 25 октября 1846 года Иваницкого определили старшим учителем русской словесности в 5-ю Петербургскую гимназию. Именно там за Иваницким прочно закрепилась репутация *«педагога мыслящего и опытного в своём деле»* (А. Радонежский. Историческая записка 5-й С.-Петербургской гимназии. СПб., 1874 г.). «Русский биографический словарь» А. Половцева (1897 г.), а вслед за ним П. И. Баргенов в «Русском архиве» (1909 г., № 10) характеризовали его: *«Преданный своему делу, любимый начальством и учениками, многосторонне образованный, Иваницкий по справедливости считался одним из выдающихся педагогов своего времени»*.

Его последней публикацией в журнале «Маяк» стала критическая статья «К русским поэтам» (1844 г., т. 16, кн. 32), в которой он говорил об ответственности авторов за формирование общественного мнения и воспитание вкуса читателей. Осознав, что этот журнал – *«голос фанатика, который ругает всё, что только не взято из Библии»*, а сатиру и комедию считает противными христианству, Иваницкий прекратил там печататься.

К тому же он стал пробовать себя в различных жанрах. В «Современнике», издававшемся после смерти Пушкина покровителем Иваницкого П. А. Плетнёвым, в 1846 году появились две работы Николая Ивановича: в 42-м томе – некролог «Г. Ф. Пухта, знаменитый берлинский правовед», а в 43-м томе – перевод с немецкого «Из записок Гёте». По роману Вальтера Скотта «Оклен Камерон» Иваницкий подготовил драму в 5 действиях «За короля», которую в 1847 году играли в столице на сцене Императорского Александринского театра. Его повесть «Натальин день», рисующую быт городских обывателей, известный издатель А. А. Краевский напечатал в апрельской книжке «Отечественных записок» за 1849 год (т. 63).

К творчеству Н. В. Гоголя Иваницкий имел особый интерес, и не только как любой учитель русской литературы и его современ-

ник. Гоголь, сомневавшийся в своём литературном таланте даже после выхода в 1831-32 годах двух книжек «Вечеров на хуторе близ Диканьки», решил заняться преподаванием истории. С сентября 1834 года он читал курс истории средних веков студентам 2 курса филологического отделения Петербургского университета, среди которых был и Иваницкий. В его мемуарах об этом сказано очень кратко: *«Первая его лекция была превосходна; но чем дальше, тем хуже: он редко ездил на лекции и ничего почти не читал»*. В результате Иваницкий, который не стал готовиться по учебнику, получил на экзамене по этому предмету единицу и чуть не выбыл из университета.

В дневниковых записях октября 1846 года по поводу выхода книги «Выбранные места из переписки с друзьями» Иваницкий воскликнул: *«Что за нелепый мистицизм! Можно ли узнать Гоголя! Гоголь решительно, кажется, погиб для литературы»*. Впрочем, как литератор, Иваницкий продолжал изучать биографию Гоголя, старался выявить забытые страницы его жизни. Она закончилась 21 февраля 1852 года. «Отечественные записки» уже в апрельской книжке за 1852 год (т. 81) напечатали очерк Иваницкого «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя», посвящённый его детству, гимназическим годам, ранним произведениям. Вскоре там же в октябрьском номере под псевдонимом появились «Заметки для биографии Гоголя». В них утверждалось, что Гоголь, не доверяя себе, как лектору, пригласил на лекцию Пушкина и Жуковского; в октябре 1834 года те приехали, но Гоголь якобы не явился, как не приехал и на экзамен студентов. Ответ Иваницкого в виде письма к издателю появился в февральской книжке «Отечественных записок» за 1853 год (т. 86). Он рассказал о первой, блестящей, явно заранее написанной лекции Гоголя, о дальнейших бесцветных, скучных лекциях, о хорошей лекции, посвященной переселению народов, прочитанной в присутствии Пушкина и Жуковского. На экзамене вопросы задавал ректор, а Гоголь сидел в стороне и ни во что не вмешивался.

Критик и историк литературы П. В. Анненков (1813-1887) назвал эти воспоминания Иваницкого превосходными, *«передающими нам физиономию Гоголя в урывках, но удивительно живо и верно»*. Они оказались востре-

бованными, были включены в сборники «Гоголь в воспоминаниях современников» (М., 1952) и «Ленинградский университет в воспоминаниях современников» (Л-д, 1963, т. 1).

Между тем популярность Иваницкого, как опытного педагога, продолжала расти. По поручению нового попечителя Петербургского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина он разработал методические указания по преподаванию логики и русской словесности в гимназиях. В 1852 году по предложению попечителя его назначили инспектором той же 5-й гимназии. Иваницкий вряд ли предполагал, что это ненадолго.

### Снова в Пскове

21 июля 1853 года скончался директор училищ Псковской губернии статский советник Илларион Николаевич Скрыдлов, проработавший в Пскове 13 лет. Приближался новый учебный год, и в столице быстро решили вопрос о новом директоре. «Псковские губернские ведомости» 16 сентября известили местную публику, что *«Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 23 августа № 165 инспектор 5-й С.-Петербургской гимназии надворный советник Иваницкий назначен директором училищ Псковской губернии»*.

Даже в дореволюционной литературе говорилось, что Н. И. Иваницкий был директором Псковской гимназии. Это не совсем точно. Тогда отдельной должности директора в губернской гимназии не существовало, а в ведении директора училищ Псковской губернии находилась не только единственная в губернии мужская гимназия, но и 8 уездных, 10 приходских и 26 волостных училищ (женских гимназий вообще ещё не было). Неточность вызвана тем, что фактически директор училищ губернии непосредственно руководил мужской гимназией, а в каждом уездном училище был свой штатный заведующий, называемый смотрителем. Поэтому наибольшее внимание директору училищ приходилось уделять руководству гимназией, возглавлять её педсовет.

В первые годы службы в Пскове немалых усилий от нового директора требовала постройка нового здания губернской гимназии с пансионом для приезжих учеников. До этого с 1817 года гимназисты занимались в длинном

двухэтажном полукаменном здании (второй этаж – деревянный) у крепостной стены над берегом Великой (ныне – улица Георгиевская, 4). Средства на строительство псковское дворянство собирало многие годы, возведение здания началось в 1853 году, а торжество закладки совершили 3 июня 1854 года. Освящение нового трёхэтажного здания, возведённого на другой стороне той же улицы, состоялось 15 декабря следующего года.

От попечителя учебного округа Иваницкий получил разрешение на использование старого здания гимназии под квартиры учителей, кроме зала и комнаты для театра, но не добился согласия на ремонт и приспособление здания на казённый счёт. По его предложению педсовет принял решение передать квартиры тем учителям, которые произведут работы за свой счёт, причём квартирную плату с них временно брать не будут. Вместе с тем Иваницкий считал, что после того, как учитель таким способом оправдает свои расходы по ремонту, то с него следует взимать часть суммы, которую он экономит, не платя за наём жилья, и распределять собранные деньги между более нуждающимися учителями, снимающими квартиры в частных домах. Такое решение педсовет принял 16 сентября 1858 года, вскоре после смерти директора (ГАПО, ф. 8, оп. 1, д. 6, л. 14).

В том же архивном деле сохранились журналы всего лишь пяти заседаний педсовета с участием Иваницкого (за август-октябрь 1856 г.). Но и они позволяют составить некоторое представление о его инициативном характере. Так, 11 августа по его предложению решили допускать в виде опыта условный перевод учеников в следующий класс и разработали эти условия. 14 августа Иваницкий отметил, что окончивших уездные училища, как не изучавших иностранные языки, не принимают в 3-й класс гимназии, и предложил определять их во 2-й класс, где они быстро нагонят одноклассников. Учитывая, что пять младших классов переполнены и педагог не успевает опросить всех, 12 сентября по его предложению решили назначать аудиторов из лучших учеников, которые будут опрашивать остальных. 25 сентября он объяснил неуспеваемость некоторых гимназистов отсутствием у них учебников; поэтому решили потратить на учебники для бедняков 35 рублей,

из которых 15 взяли из сметных сумм, а 20 педагоги собрали между собой.

Литературные труды Иваницкого за второй псковский период (1853-58 годы) неизвестны. Зато проявились его краеведческие интересы. 3 октября 1856 года «Псковские губернские ведомости» сообщили, что на днях в типографии губернского правления напечатана небольшая книжка Н. Иваницкого «Исследования о времени основания г. Пскова». Разрешение на её печатание 21 июля 1856 года дал известный автор исторических романов И. И. Лажечников, только что поступивший на службу в столичный Цензурный комитет. Краеведческий труд Иваницкого был настолько важен для псковской истории, что «Псковские губернские ведомости» целиком перепечатали его на своих страницах в №№ 7-10 с 13 февраля по 6 марта 1857 года.

Цель своего исследования он изложил в первых же строках: *«Когда и кем основан Псков? Предлагаю себе этот вопрос не для того, чтобы решить его окончательно и непогрешимо; но для того, чтобы посмотреть, до какой степени он может быть объяснён показаниями и промолвками наших летописцев, что говорили об нём наши писатели-историки... и на чём должно остановиться в настоящее время в исследованиях о времени основания г. Пскова».*

Главный вывод Иваницкого соответствует нашим современным взглядам и звучал так: *«... основываясь на свидетельстве летописей, можно справедливо заключить, что Псков основан был до брака Игоря с Ольгой и даже, может быть, до прихода Рюрика с братьями в Русскую землю».* Этот вывод не изменился и после анализа Степенной книги, Жития святой Ольги и произведений Иннокентия Гизеля, Татищева, Хилкова, Ломоносова, Емина, Щербатова, Болтина, неназванного автора «Записок касательно русской истории», Шлецера, Ильинского, Болховитинова, Карамзина, Глинки, Полевого, Соловьёва, Миллера, Устрялова, Плошинского, Милевского. Таким образом, за время директорства в Пскове Иваницкий изучил всю существовавшую тогда литературу о первых веках существования города.

Прилагаемые к настоящей статье «Исследования о времени основания г. Пскова» Н. Иваницкого – первый исторический труд, специально посвящённый этому важному и

спорному вопросу. Он положил начало дискуссии, которая длится до наших дней. Уже в 1858 году с возражениями выступил иеромонах Иосиф (Иван Гаврилович Баженов), бывший преподаватель Псковской духовной семинарии, выпустивший сразу после перевода в столицу брошюру «Историческая достоверность сказания Степенной книги о первоначальной святыне города Пскова». Почти через полвека, в 1903 году, в Петербурге вышла книжка В. Г. Васильченко «Время основания города Пскова». Историко-библиографической заметкой «К вопросу о времени возникновения г. Пскова» на нее откликнулся в 1907 году Н. И. Серебрянский. (Статья Серебрянского стала приложением к его биографии, помещённой в № 23 журнала «Псков» за 2005 год).

Н. И. Иваницкий явно предполагал и дальше заниматься краеведческими поисками. Об этом свидетельствует сообщённая им «Городовая опись города Опочки (Псковской губернии) 7199 (1691) года», опубликованная в 25-й книге «Временника Московского общества истории» за 1857 год. Затем под названием «Опись укреплений города Опочки, военных снарядов и хлебных запасов, составленная при воеводе Артемии Болкошине в 1691 году» она была повторена 5 февраля 1858 года в «Псковских губернских ведомостях» с указанием «Сообщено директором училищ» (но без его фамилии). Значит, он делал выписки из документов псковских архивов.

Однако болезнь и смерть прервали эти занятия. В сообщении о возобновлении деятельности Губернского статистического комитета среди отсутствовавших по болезни на первом заседании 12 декабря 1857 года непременных членов комитета был назван и «директор училищ коллежский советник Иваницкий» (в этот чин он был произведён Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 5 января 1854 г.). Не был он и на заседании педсовета гимназии 25 июня 1858 года, а через месяц, 23 июля (4 августа по новому стилю), скончался. Он прожил лишь 42 с половиной года. Сообщение о его смерти в «Псковских губернских ведомостях» не появилось. Позднее газета известила, что приказом Министра народного просвещения от 22 сентября 1858 года исполняющим должность директора училищ Псковской губернии назначен отставной статский советник Яхонтов.

В «Указателе вещественным памятникам древности и старины, церковным и гражданским, в губ. г. Пскове и его окрестностях» 1875 года К. Г. Евлентьев назвал среди достойных памяти людей, погребённых на Дмитриевском кладбище, Иваницкого и Милевского. А священник кладбищенской церкви Гавриил Лебедев в брошюре «Псковское городское Дмитриевское кладбище» (Псков, 1871 г.) указал, что около церкви, с левой стороны, находятся памятники на могилах Иваницкого, Милевского, Скрыдлова, то есть рядом были похоронены три известных деятеля псковской гимназии. Очень крупное и заметное надгробье на могиле Скрыдлова сохранилось, находившийся рядом памятник с могилы Милевского восстановлен в сентябре 2005 года к 140-летию со дня его кончины, а от соседней могилы Иваницкого следов не осталось.

Родственников Иваницкого в Пскове не

было, так как он последовал совету Плетнёва не жениться. 13 января 1860 года «Псковские губернские ведомости» напечатали судебное извещение о вызове наследников к его движимому имуществу на сумму 678 руб. 54 коп., а 26 июля 1861 года по этому делу вызывалась дочь коллежского асессора девица Екатерина Ивановна Иваницкая (очевидно, сестра Николая Ивановича). Его старший брат Александр умер в Вологде ещё раньше, 7 июня 1850 года, не дожив до 40 лет.

Добрая память о Н. И. Иваницком долго сохранялась в Пскове. Через три десятилетия «Псковский городской листок» от 29 июня 1886 года, говоря о священниках, преподававших Закон Божий в мужской гимназии, упомянул о вручённом протоиерею Милевскому при уходе со службы адресе *«одного из просвещеннейших директоров гимназии Николая Ивановича Иваницкого»*.

#### Основные источники

- Автобиография Николая Ивановича Иваницкого // Щукинский сборник. Вып. 8. М., 1909. С.218-358.  
Иваницкий Александр Иванович. Иваницкий Николай Иванович // Русский биографический словарь, изданный под наблюдением А.А.Половцева. Том «Ивак-Ключерев». СПб., 1897. С.3-4.  
Иваницкий Александр Иванович. Иваницкий Николай Александрович. Иваницкий Николай Иванович // Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 366-369.  
Н.В.Новиков. Н.И.Иваницкий и его фольклорное собрание // Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н.И.Иваницким в Вологодской губернии. Вологда, 1960. С.3-28.



Слева – старое здание Псковской гимназии

ПРИЛОЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ Г. ПСКОВА

1 1914

ИМПЕРАТОРСКОЙ  
АУДИТОРСКОЙ КОЛЛЕГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЕ**

**О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ**

**Г. ПСКОВА.**

Ж. Званицкого.

Общество печатом  
№ 11. Печать  
г. Псков  
Ул. Псковская, д. 2

**ПСКОВЪ,**

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.  
1886.

ПЕЧАТАТЬ ПУЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ  
Ценсурный Комитетъ указанное число экземпляровъ.  
С. Петербургъ, 21-го. Июля 1886 года.

Ценсоръ И. Лажечниковъ.

шале его, и приедоша ему жену отъ Плескова, именовъ Олгу.»<sup>(1)</sup>

«Довида ея (Ольга) суть по всей земли, знаиша и места, и погосты, и саяи ея стоить въ Плесковѣ и до сего днѣ.»<sup>(2)</sup>

«Вси ти Князи отъ единаго Варяга отъ Рюрика и отъ сына его Игоря, и отъ княгини Ольги Псковоу расплодшася.»<sup>(3)</sup>

Въ крупнѣ спискахъ летописей повторяется тоже самое, съ малыми только измѣненіями въ составѣ фразы. Безъъ Ольга именована *Псковннцнцкскою*, приведенно отъ Плескова, всѣхъ или Плескова упоминается какъ имя города, уже существовавшаго въ началѣ X столѣтія.

Слѣдовательно, основываясь на свѣдѣніяхъ летописей, можно справедливо заключить, что Псково (Плесковъ) основано *былъ до брака Игоря съ Ольгою* и даже, *возможно было, до прихода Рюрика*

(2) Лавр. лѣт. стр. 12. По *Летописцу Переславля Судольскаго* мѣсто это именовано полѣмъ: «Игоревъ върасташа и хожаша по Ольгѣ и всю волю его учюря. Привелаша ему жену отъ Плескова именовъ Олгу остроумную и корену и основаше вѣра Христіанскій и языкъ новыя.» См. летописца Переславля Судольскаго въ № 9 Временика стр. 12 въ отглавнѣ: *мѣнеръ* вѣра.

(3) Лавр. лѣт. стр. 23. В это мѣсто въ *Летописце Переславля Судольскаго* полѣмъ: «И нае Ольга по Доростей земли съ своимъ своимъ, урѣзы установиши и суть ставиши ея и довидаша и до сего днѣ. И прише въ Киевъ и пребѣхъ лѣто едино и устави погосты, поше въ Покутруду и по мѣсто устави погосты и дѣль и обрѣши и довида ея и сѣ часть и по Лузѣ и по земли и пореша у шавиши и жѣста и погосты. И сѣши ея въ Псково и по Добруу порешесе, по всѣмъ рѣкамъ и по Днѣпру и вѣсть ебаша ея Олгичи и сѣ вранн.» Тамъ же стр. 12.

(4) 2-я Псков. лѣт. стр. 2.

### Когда и кѣмъ основанъ Псковъ?

Предлагаю себѣ этотъ вопросъ во для того, чтобы рѣшить его окончательно и неопровержительно: но для того, чтобы посмотреть, до какой степени онъ можетъ быть обмѣненъ показаніями и промолвами нашихъ летописцевъ, что говорили объ немъ наши писатели—историки, на чемъ основывали они сужденія свои объ этомъ предметѣ, и на чемъ должно остановиться въ настоящаго времени въ изслѣдованіи о времени основанія г. Пскова.

Псковскій летописецъ говорить: «А о Плесковѣ градъ отъ летописанна не обрѣтается воспоминающе, отъ него создана бысть и которыми людьми, томо увидѣхомъ, яко былъ уже въ то время, какъ шазала Князи Рюрикъ съ братьевъ изъ Варигъ въ Славне князствіи; понеже вѣдаеть, яко Игорь Рюриковичъ поуть себа жену Олгу отъ Плескова.»<sup>(1)</sup>

Дѣйствительно, во всѣхъ другихъ летописяхъ ничего не говорится объ основаніи Пскова: слово Плесковъ встречается въ первый разъ только случайно, какъ название города, уже существовавшаго въ началѣ X столѣтія.

«Игоревъ върасташа, и хожаша по Ольгѣ и служаша.» См. Полн. Собр. Рус. Летописей т. IV, стр. 174.

съ братьями въ Русскую землю. Доказательством служатъ:

1. Показаніе 1-й Псковской летописи: «столно уѣздѣхъ, яко былъ уже (Псковъ:) въ то время, какъ назвали Киномъ Рюрикъ съ братьевъ изъ Варягъ въ Славянѣ князяти.» Значитъ, во время летописца было известно, что Псковъ основанъ до прихода Рюрика въ Русскую землю.

2. Согласно показанія всѣхъ летописей, что Ольга была приведена отъ Плескова, что она была Псковитянка, т. е. что Плесковъ или Псковъ существовалъ уже въ то время (въ 903 году): когда Ольга стала съ супругомъ Игоремъ.

Замеченіе, кажется, справедливое: но противъ этого говорить:

1. Слово: «в приходахъ ему жему отъ Плескова» должно принимать въ буквальномъ смыслѣ. Отъ Плескова значитъ изъ подъ Пскова, а не изъ Пскова. Первый нашъ летописецъ (Насторъ ли это былъ, или кто другой:) писалъ эти слова въ Киевѣ, въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка: ему неизвестно было названіе мѣсто рожденія Ольги; онъ зналъ только, по преданію, что Ольга была родомъ изъ той стороны, гдѣ г. Псковъ,—который въ XII вѣкѣ пользовался уже независимостію,—и потому написалъ: не изъ Плескова, а отъ Плескова, т. е. изъ подъ Пскова.

2. До женитьбы Игоря, т. е. до 903 года, ни въ одномъ славянѣ летописи не встрѣчается имени Плескова или Пскова, имена же другихъ городовъ попадаются нередко, и между прочимъ имя ближайшаго къ Пскову города Изборска.

Отъчаю сверхъ на второе возраженіе: «Летописецъ,

разсказавшій намъ о разселеніи племенъ Славянскихъ и о раздѣленіи земель между сподвижниками Рюрика, не сдѣлалъ перечисли городовъ, въ то время существовавшихъ. Онъ называетъ какой—либо городъ имени тогда только, когда кто коснется этого города. Такъ—упомянувъ прежде всего, что Славяне Шымскіе построили Дюбородъ,—онъ, какъ Кіевлянинъ, разсказываетъ подробно исторію основанія Кіева, потомъ называетъ еще Смоленскъ, и только.....

Но изъ этого не слѣдуетъ, что до пріѣзденія Рюрика, три только города и были въ землѣ Славянской. Труворъ Рюрикъ поселилъ въ Изборскѣ; стало быть и Изборскъ существовалъ до прихода Рюрика. Черезъ 2 года послѣ этого, Рюрикъ опять дѣлалъ раздѣлъ городовъ: кому далъ Плесковскъ, кому Рясное, кому Вьдоозеро. Вотъ опять ноша названныхъ городовъ. Въ этихъ городахъ, прибавляетъ летописецъ, Варяги—прислали, а первые ихъ поселенцы: въ Новгородѣ—Славяно, въ Пологскѣ—Кривичи, въ Ростовѣ—Мери, въ Бѣлгородѣ—Весь, въ Муромѣ—Мурома. Еще одно слово названіе. Олегъ въ первые годы своего княженія назвалъ—Лубече. Послѣ похода на Грековъ онъ пошелъ съ ними укладомъ на Русскіе города, и между прочимъ на Черниговъ и на Иеремславль. Одинъ слово, у летописца названіе какого либо города встрѣчается всегда тамъ только, гдѣ лѣто касается этого города. До женитьбы Игоря нѣбольшо надобности упоминать о Плесковѣ, потому и неупомянуто; а когда нужно было сказать о женитьбѣ Игоря, тогда летописецъ и сказалъ: «Игорю възрастъю и холмю по Ольгѣ и слушаше его, и приведоша ему жему отъ Плескова, именемъ Ольгу.» Мнѣ кажется, встрѣтити въ первомъ разѣ имя Плескова въ этомъ именѣ мѣстѣ летописи (иногда годомъ 903:);

знавшая и злата и повосты, и сами ее стяти въ Плескѣ и во сего лѣтѣ, и по Дитиру веревенши и по Деве, и естъ село ее Олжичи и доездѣ. Довольно странно предположить, что хоть самый летописец, которому известны были въ размахъ концы Русской земли разные памятники или преобладали тамъ, или дѣятелиности Св. Ольги, затруднялся означить точно мѣсто рожденія Ольги, и сказалъ глухо: итъ подъ Плескомъ, т. е. въ тѣхъ сторахъ, гдѣ теперь Псковъ. . . . При томъ и предлогъ ома въ словѣ ома въ Плескова употребленъ точно въ томъ же смыслѣ, значеніи, въ какомъ ома употреблялъ и во многихъ другихъ мѣстахъ летописи: «Приде отъ Рима въ Евангелію. . . . Кому въ мѣсяцъ первое ома города Кіева, и шка изъ Чернигова. . . . О Христіанствѣ ома лова либо страна приходящѣ въ Русь и пр. и пр. и пр.

Невозь думать, чтобы соображенія эти, столь простые и доступныя каждому, кто хоть сколько небуль знакомъ съ летописями, не пригодили на мысль тѣмъ лицамъ, которые во каменъ бы-то имѣло причинамъ интересовалъ или интересуется вопросъ объ основаніи Пскова. Но на шка ебанательно дѣбствуетъ легенда, првазъ не мародкал, но сложивши въ тѣмъ интересныя подробности, что дѣйствительно трудно оторваться отъ нея, приидать эту мозаичную картину на сколько сухихъ костей давно отжиши дѣйствительности, сограмениныхъ летописцами.

Легенда гоноритъ:

Родина Ольги—деревня Выбуты или Лабуты, близъ Пскова, на гранюкъ берегу Великой, вверхъ по рѣкѣ. По смерти родителѣ своихъ, которые были протѣе послѣе, Ольга осталась сиротомъ, и была пере-

а не въ другомъ какомъ-либо, также естественно, какъ встрѣтить въ первый разъ или Изборска, послучаю отдачи его Трувору, имени Пологска и Ростова, послучаю отдачи ихъ сродникамъ Рюрика, или Любета, послучаю заповѣданія его Ологомъ, имени Чернигова и Перенслава, послучаю вѣнчанія на нитъ уклада и т. д.

Обращаясь въ первую возраженію: Это возраженіе основано на предположеніи. Предполагается, что первымъ нашъ летописецъ, какъ Кіевлянинъ, не зналъ настрѣно мѣста рожденія Ольги, и потому сказалъ, что она родомъ изъ той стороны, гдѣ теперь Псковъ, отъ Плескова, а не изъ Пскова.

Но летописецъ, какъ житель Кіева, гдѣ Ольга провела болѣе 40 лѣтъ своей жизни, и какъ олимпъ изъ представителѣ только что возникшаго въ Кіевѣ, наскаждитого Ольгомъ, Христіанства, безъ сомнѣнія зналъ исторію этой блженной жены, которую онъ называетъ деницею—предвозвѣстницею солнца правды въ землѣ христіанской, луною, сияющею въ ночи гнѣховной; разсказы объ Ольгѣ онъ могъ слышать отъ лицъ, которые лѣды знали ее лично; въ числѣ иконовъ Кіевской Печерской Лауры, гдѣ, какъ извѣстно, жилъ нашъ первый летописецъ, и куда стекались ревнители иноческаго житія со всѣхъ концовъ Русской земли, былъ, можетъ быть, кто небуль и изъ земляковъ Св. Ольги.—Ольга была люпенъ близкимъ къ летописцу и во времени и по связи духовной: въ молодомъ Кіевскомъ христіанствѣ въ началѣ XII вѣка сѣтъи еще была воспоминаема объ этой Св. женѣ; поврѣной мѣръ летописецъ говорить объ ней, какъ объ лицѣ только что сложившемъ факсиды дѣйствій; все еще напоминаетъ ему объ еи присутствіи: «(Довина еи Ольга) сѣтъ по всей землѣ,

44

въ первой половинѣ XVI вѣка. Я не знаю, въ какомъ ли смоль въ легенда эта занесена въ неизданную Миссию Матр. Макарія; но въ изъясненіи нѣтъ живописнаго Ольги она уже упоминается нѣсколько. Такъ наприм. въ степной книгѣ названъ именно тотъ мѣстъ при водзеніи рѣки Целони въ Волгу, гдѣ городевой Кремль и Троицкой Соборъ. «И приде блаженна Ольга бѣлая рѣка, глаголаху Великіи, и быша ей макколицѣи и преславно видѣти видѣ: мѣсто оно пресѣтлѣи и лучи освящено бѣ.—Послѣ Св. Ольги много мѣста на Плескому рѣку на созданіи церкви Св. Троицы; идеже три сіятельныя божественныя лучи сътозвѣніи видѣ. Послѣже ту градъ возвѣхъ Псковъ поставленъ бысть.» А въ изъясненіи нѣтъ живописнаго Ольги сказано, что Ольга стояла на лѣвомъ берегу р. Волги. той промѣжь устья Целони; лучи же, впадѣныя въ озарала противуположный беретъ. «Если же во страну той приде въ берегу рѣки, глагодевой Волгой—и бысть прочему того мѣста, идеже въ р. Волгу впаде рѣка, отъ Востока текущая, Пскова парцаемая, идеже; видѣ объ ономъ мѣстѣ рѣки отъ Востока три пресѣтлыя лучи съ небесе на томъ мѣстѣ стояща.» . . .

Я называю легенду объ Ольгѣ не маредкою, въ томъ смыслѣ, что она не возникла сама собой, подобно другимъ легендамъ объ Ольгѣ, среди народа, на тѣхъ мѣстахъ, которые были святынями жизни и дѣлъ Ольги; а сложилась уже среди похвалъ похвалѣвшихъ, когда лучезарный образъ *серебряныи-льница Анастолова* открылъ сияніемъ своей славы все, что могло еще оставаться въ памяти людей объ безвѣстной Псковитинѣ;

9

воидей. Оказался Князь Игорь былъ въ тѣхъ краяхъ и охотился на правомъ берегу Великой. Ему нужно было перебраться на другой беретъ рѣки. Онь заметъ, что кто-то плыветъ по рѣкѣ въ лодкѣ. Князь помысливъ въ себѣ илюди и вольте себя переверзти. Пловца—была вѣдушка молодой и прекрасная, по имени Ольга. Князь,—но бѣуемъ говорить словами легенды,—узнавъ видѣніи, ако же писано есть: очи лавоѣи и некасавымакъ каскуса, и разверсея желаніемъ на нь, и нѣко глагола глумленемъ претверше въ ней. Она же уразумѣла глумленіа коварство, преткала бѣсѣду неподобнаго еѣ умысленіа, но юношески, но старческииъ смыслемъ, поюшая ему глаголаше: «что веуе ситуашенси, о Княже! сракъ притораи ни, ислую новодобна во умѣ соищевал, студиша словаи инослова; не преллѣдѣе, видѣю ма кну дѣлану и уединену, и о семь занашдѣе, акѣ немаша околѣти ма; ама и нешта есмь я вельма юна и просто обчачѣ имамъ, леже ма дѣлаше; но обаче разумѣе, но порѣтити ма съ дошела, и глаголаше нешта, его же некому ни слышати; прочее же никакъ себѣ и оставиша такоуагъ умыслѣни. дождево нѣ еси, бѣлая себа, да еводелѣть ти вора-думіе, и да неостраждени ало нѣксѣ; оставиша вельмогъ вѣрадуни и неправы. Ане самъ увявель будели аскакии студиѣни, то како можешѣ нѣтъ неправу вообралити, и правено судити державѣ твоеѣ; разумноме да будетъ ти, ама и лѣка кнѣи неиставешѣ, соблажнѣея о хомѣхъ свѣрстѣи, туе ма еси, ако ма примѣте ма глумна рѣка сеи, да небуду тебѣ на соблажнѣи и сама поругани и поношени уговану, ты же прочее не смущаешия о нѣи, и маи мнѣга премудрено о цѣлоуарѣи глагола.» Игорь былъ такъ уваленъ и

въ первой половинѣ XVI вѣка. Я не знаю, въ этомъ ли самомъ видѣ легенда эта занесена въ неизданную Милеев Магн. Макарія; но въ известномъ намъ жизнеописаніи Ольги она уже имѣется въсоклько. Такъ въпрямь въ-столь, гдѣ стояла Ольга, и видъ который видѣла лучи! въ Столпной книгѣ названъ именно тотъ видъ при впаденіи рѣки Пелояны въ Волгу, гдѣ городской Кремль и Троицкой Соборъ. «И приде близкая Ольга блвзъ рѣки, глаголахя Великая, и быша ей якоже рѣки Искова—и на томъ мѣстѣ Святая Ольга чрво и преславо видѣти видѣ: мѣсто оно пресвѣтлѣи лучи осянѣно бѣ.—Послѣ Св. Ольги много вѣта на Пелюзу рѣку на созданіе церкви Св. Троицы; идоже три сѣтельные божественныя лучи състоялія видѣ. Послѣже ту градъ велѣхъ Искогъ поставити бысть.» А въ известномъ намъ жизнеописаніи Ольги сказано, что Ольга стояла на лѣвомъ берегу р. Волы. той притокъ устья Пелояны; лучи же, видѣнные ею, озирали противоположный берегъ. «Егда же во страну той приде къ берегу рѣки, глаголахя Великой—и бысть притому того мѣста, вѣже въ р. Волгуу впа рѣка, отъ Востока текущая, Пскова . парцаемая, за-востъ; видѣ объ оныя рѣки стѣ Востока три прес-вѣтлыя лучи съ небесе на тѣ мѣста стояща.»...

Я назвала легенду объ Ольгѣ не *маредною*, въ томъ смыслѣ, что она не возлика сама собой, подобно другимъ легендамъ объ Ольгѣ, среди народа, на углѣ мѣстѣ, которые были свѣтлыми жемчугами и дѣла Ольги; а сложилась уже среди поколѣній позднѣйшихъ, когда лучезарный образъ *серебряннѣйшицы Анисимовѣ* закрылъ свѣтлѣе своей славы всѣ, что могло еще гра-нитися въ памяти людей объ безвѣстной Псковитинѣ;

сдѣлавшейся В. Княгиней Киевской, и что засвидѣтель-ствовали летописцы.

Доказательства на это слѣдующія:

4. Летописецъ Киевскій, пришедшій въ лѣт-ше какъ къ третьему поколѣнію Киевлянъ, жившему послѣ Ольги, разсказалъ подробно два преданія объ ней,—а именно о названіи Древлянъ и о вѣтѣ Ис-коростяны,—поименовавъ дѣла Ольги касательно устрое-нія подвѣстнѣхъ ей земель, и наконецъ указавъ, какіе давленія жизни и дѣятельности ея существовали въ это время въ землѣ Русской; но нискога не сказалъ о томъ, что разсказываются въ легендѣ, вносимой въ Столпную книгу.—Чѣмъ объяснитъ молчаніе летописца? Ольгѣ, какъ я сказалъ уже прежде,—близокъ былъ къ Ольгѣ и по времени и по силѣ духовной: легенду о водвореніи Ольгой Христіанства въ ея роднѣ,—если бы эта легенда существовала въ XI и XII столѣтіяхъ,—летописецъ, конечно, не упустилъ бы изъ виду, и, какъ христіанинъ, разсказалъ бы въ большаки подробностями и съ большою любовью, чѣмъ летописцы о изказаніи Дро-ляны и о вѣтѣ Искоростяны. Ольгѣ зналъ, гдѣ были лѣвница и *перевѣсница* Ольги,—сказавъ объ этомъ безъ срѣженія отъ очевидцевъ,—зналъ и о томъ, что въ Плескорѣ сохраняются сами Ольги,—конечно также, отъ очевидцевъ; можно ли же думать, что летописецъ не-зналъ, что въ томъ самомъ городѣ, гдѣ стоятъ сами Ольги, есть церковь, построенная по ея мысли, на ея деньги, на мѣстѣ ея указанномъ, и что самый городъ Плескоръ есть также созданіе Ольги? Объ себѣ ея *Ольжичи* она не забыла упомянуть.

2. Составитель Псковской летописи,—относясь, какъ извѣстно, къ началу XIV вѣка и даже къ концу XIII

вѣка, — стараясь узнать что нибудь вѣрнее объ основаніи Пскова; но должно бытъ сказать, что «о Псковѣ» грядѣ отъ лѣтописанія не обрѣтается воспоминаю, отъ кого созданъ бытъ и которыми людьми.» Очевидно жившее въ то время въ Псковѣ продавецъ говорилъ, что Псковъ существовалъ уже до Рюрика, и потому лѣтописецъ прибавилъ: «только увѣдомъ, яко былъ уже въ то время, какъ назвала князь Рюрикъ съ братіею изъ Варягъ въ Словяне княжить.» Въ подтвержденіе этого преданія онъ указалъ и на фактъ, который, какъ видно, въ его время не подлежалъ сомнѣнію: «покаже повѣдаеть, яко Игорьъ Рюриковичъ поитъ себя женоу Ольгу отъ Пскова.»

И здѣсь, въ свѣдѣтельствѣ Псковскаго лѣтописца, имѣтъ опять на слова о легендѣ, разсказанной въ Степановой книгѣ; напротивъ, прямо указывается, что во время лѣтописанія вѣрнѣе, что Псковъ построено еще до прихода Рюрика, и что Ольга была родомъ изъ Чехова. Если бы легенда объ Ольгѣ была вѣстна въ Псковѣ въ XIII или XIV вѣкѣ, конечно, лѣтописецъ, какъ Псковичъ, отыскивавшій въ дошедшихъ до него лѣтопискахъ какихъ нибудь указаній на время основанія своего роднаго города, не оставилъ бы этой легенды безъ вниманія, и скорѣе бы волея за нее, какъ въ сказаніи полное и оконченное, чѣмъ за темное преданіе о томъ, что Псковъ «былъ уже въ то время, какъ поитъ князь Рюрикъ съ братіею изъ Варягъ въ Словяне княжить.»

Изъ этого и выводу заключеніе, что легенда, разсказанная въ Степановой книгѣ, начала складываться не какъ въ ранне концѣ XIV вѣка; (\*) даже вѣроятнѣе —

(\*) Это въ такомъ только случаѣ, если она вписана уже была въ Копирковскую Степанову книгу.

можно и при разнѣхъ редакціяхъ лѣтописца свою подробости. Псковской мѣрѣ это вліяло изъ сказанія Степановой книгѣ, Пролога и жизнеописанія Ольги. (\*\*)

Конецъ на одну истинный историкъ не пренебрежеть легендой, когда бы и може бы ни возникла она: всегда онъ дастъ ей вѣсто приличное въ области ея изслѣдованій; но для большинства людей, — не историковъ, а просто любителей исторіи, — легенда есть самое приятное явленіе: она узнаваетъ разрозненные обломки явленій — погребенныя книги такою живописною живою, и составляетъ типичнѣ фантастическнѣ сѣтвомъ, что, глядя на нить, приятно откликать изображеніе и сердце, и даже леутомонный умъ не рѣшается, съ обычайми словами безстрастнѣхъ, порваться въ этихъ, какъ будто заколдованныхъ, обломкахъ.

Тогда самое нужно сказать и о приведенной мною выше легендѣ: она разномъ для самой ноложительной и ясной отвѣтъ на вопросъ объ основаніи Пскова, такъ что вся нелепая на истину, сказанная лѣтописцами, осталась въ тѣнѣ, и большинство людей, интересующихся знаніемъ когда и какъ основанъ Псковъ, не сомнѣваются, что Псковъ построенъ Ольгомъ.

Посмотримъ теперь, что и какъ говорили и говорить объ этомъ наши писатели — историка.

(\*) Легенда эта есть и въ Псковѣ лѣтописца; только тамъ разсказана она коротко, и конечно пророчествомъ Ольги; но о томъ, что Ольга послала золота и серебра, вѣдѣла построитъ переплывъ Св. Троицы и городъ Псковъ — имѣть на словѣ. — Впрочемъ Псковъ Лопатинскѣ составленъ уже въ преданіи Матвѣя Флорентинца, т. в. н. началъ XVII вѣка. — Слѣдовательно послѣ Степановой книгѣ. См. № 17 Промѣнна.



Изборскъ: «Ольга призвала въ Изборскъ дѣвцу лебедящую, званную Ольгу, которая послѣ того въ грешеніи названа Елена, прануца Гостомысла, а ее въ змужество выдалъ за Игоря Рюриковича.»<sup>(17)</sup> Авторъ не объясняетъ, откуда онъ почерпнулъ это известіе. О путешествіи Ольги, въ область Изборскую онъ разсказываетъ уже послѣ времени Ольги г. е. послѣ 954 г. «Послала также въ Изборскъ, и горюхъ Псковъ маленькій островъ.»<sup>(18)</sup> Ольга нѣтъ указанія на источникъ; но видно, что въ этомъ случаѣ Халковъ сдѣлалъ произвольное Ольгу, прибавивъ только отъ себя слово *маленькій*. Объ подробностяхъ событій, разсказанныхъ въ легендѣ, онъ не говоритъ ни слова.

Моносова<sup>(19)</sup> не упоминаетъ ни слова ни о рекаѣ, ни о размѣнѣ Ольги, ни о построеніи ея храма Св. Троицы в городѣ Псковѣ; онъ, дѣлая ссылку на Нестора, говоритъ только: «Потомъ (Игорь) сочетался супружествомъ съ Ольгою, приведенною отъ Псковя.»<sup>(20)</sup> Объ легендѣ Моносовъ какъ-будто и не знаетъ.

Ежовъ,<sup>(21)</sup> въ бесѣдѣ о рожденіи Ольги съ Гостомысломъ, прибавилъ еще столько сказокъ собственныхъ выдумокъ, что объ этомъ историкѣ стоитъ упомянуть развѣ для того только, чтобы показать, что мы знаемъ образеніи чужеземцаго народа не нужно даже ни казать матеріаловъ, чтобы построить какой угодно замокъ. Такъ на примѣръ Ежовъ говоритъ, что бракосочетаніе Игоря съ

(17) См. у Халкова (изд. 1769 г.) стр. 37.

(18) См. у Халкова (изд. 1769 г.) стр. 47.

(19) Древняя Россійская Исторія отъ начала Россійскаго народа до кончины Великаго Князя Ярослава Храбраго.

(20) Социнъ. Моносова. изд. 1847 г. т. 3 стр. 454.

(21) Россійская Исторія.

Общество Псковитинъ  
изд. В. С. Ринина  
г. Псковъ  
ул. Преображенская д. 3

Ольгой совершенно было во Псковѣ, въ храмѣ Перуна, при стеченіи многочисленнаго народа, съ приличными такому торжеству украшеніями!...

Щербатовъ<sup>(22)</sup> говоритъ, что «Труворъ съѣзъ во Псковѣ, и столпу себя построилъ Изборскъ»,<sup>(23)</sup> что «когда достигъ Игорь до 27 лѣтъ возраста своего, тогда Олегъ, его благодѣтель, съспавъ ему невѣсту во Псковѣ, дѣвцу, званную Ольгу, его женилъ, о которой мнитъ многоразъ, якобы правнуча Гостомыслова была; родомъ изъ мери, звануемой Выбутска, что была близъ града Пскова. Другіе же писатели повѣствуютъ сіе супружество инымъ образомъ...»<sup>(24)</sup> Тутъ слѣдуетъ сокращеніе легенды во послѣдней ея редакціи. Касательно путешествія Ольги къ берегамъ Великаго, — хотя объ этомъ и разсказано въ легендѣ подробно, — Щербатовъ не говоритъ ни слова; упоминаетъ только, что «при владѣніи уже Святослава (значитъ, когда Ольга была христіанкою) она обновила строеніе церкви во мнѣ Св. Троицы градъ Псковѣ, и предреди о будущемъ величествѣ ея.»<sup>(25)</sup> И тутъ же дѣлаетъ примѣчаніе: «Россійскіе дѣтописцы (какіе именно?) пишутъ въ семь мѣстѣ, якобы основаніе града Пскова Князь Ольгѣ; но какъ онъ уже при Великомъ Князѣ Рюрикѣ былъ, и въ пѣнь Князь Труворъ свою столпу женилъ; то въ семь мѣстѣ не можетъ какъ развѣ обновиленіе его Великой Княгини Ольгѣ приписаться.»<sup>(26)</sup>

(22) Исторія Россійцевъ отъ древнѣйшихъ временъ.

(23) Щербатова Исторія изд. 1770 г. т. 1 стр. 192.

(24) Щербатова Исторія стр. 206.

(25) Тамъ же т. 1 стр. 221.

(26) Тамъ же.



въ область Изборска въ построена Пскова, во всемъ слѣдуетъ легендѣ. (48)

*Долгой* (49) въ слова не упоминаетъ ни объ легендѣ, ни о томъ, откуда родомъ была Ольга, ни о томъ, кто построилъ Псковъ; но, рассказывая о путешествіи Ольги въ область Изборскую, прибавляетъ, что она была и во Псковѣ, который началъ тогда уже усиливаться, вмѣсто древняго Изборска. (50) Изъ этихъ словъ видно, что Долгой не считалъ Псковъ создателя Ольги. (51)

*Солгосевъ*, (52) по повелу жматъбы Игоря, переводитъ слова летописца: «Игорь выросъ, и козель по Ольгѣ, слушала его, и привелъ ему жену изъ Пскова, именемъ Ольгу.» (53) Для перестыгъ горогъ, о которыхъ упоминается въ первомъ періодѣ нашей Истории, онъ вставляетъ между прочимъ Псковъ, — и заключаетъ: «изъ этихъ городовъ Псковъ, Юрьевъ, Владимиръ—Волыскій, Ярославъ достоверно построены Князьями.» (54) Однакожъ не говоритъ, явнымъ именемъ Княземъ построена Псковъ. Но разобравъ пригородныя отношенія Пскова къ Новгороду, Г. Солгосевъ говоритъ: «Мы знаемъ, какими образомъ Псковъ получилъ значеніе

(48) Тамъ же—стр. 133.

(49) Русская Исторія, въ 4-хъ томахъ.

(50) Долгой т. I стр. 88.

(51) Въ пригородной же своей Истории (Исторія Русскаго народа), вѣнчанной горладо приде, Псковъ соименителъ существовалъ въ Псковѣ ранѣе половины XI столѣтія . . . . . Число мѣсяца до легенды объ Ольгѣ, онъ относитъ до созданія времени молдавскихъ (см. Исторія Русск. народа т. I стр. 3.

(52) Исторія Россіи.

(53) Солгосевъ т. I стр. 141.

(54) Тамъ же—стр. 228.

*Езямій* (41) признаетъ легенду, вѣсенную въ Степанову книгу, связаннымъ. вполнѣ достовернымъ, и потому слова летописца: «привелъ ея (Игорю) жену отъ Пскова,» — объясняетъ тѣмъ, что Псковъ въ XII столѣтіи былъ уже городомъ значительнымъ. (42) Впрочемъ о родословной Ольги онъ ничего не говоритъ.

*Карамзинъ* (43) вѣрять слову летописца, говорить, что «Ея (Ольгу) привезъ въ Кіевъ изъ Пскова или нынѣшняго Пскова», потомъ упоминаетъ объ легендѣ, и заключаетъ слѣдующими словами: «но мы всеможемъ ругаться за истинную преданіи, неизвѣстнаго нашему древнему летописцу: иначе онъ не пропустилъ бы столь значительнаго обстоятельства въ житіи Св. Ольги.» (44) Далѣе, рассказывая объ похвѣдѣ Ольги въ сѣверные края, Карамзинъ говоритъ: «Въроятно, что сіа Княгиня, рожденная во Псковѣ, какими нибудь особенными выгодами, диниме ея привлекла, способствовала тому будущему стоянію и даже слабѣ, которую онъ послѣ, вѣдѣтъ съ Новгородомъ славился въ Россіи, затѣмъ самостоятельный древній Изборскъ и сдѣлавшись столицей области значительной.» (45)

*Глинка* (46) выводитъ родословную Ольги также отъ Гостомысла (47); касательно же путешествія Ольги

(41) Исторія Княжества Псковскаго.

(42) Езямій—т. I стр. 9 и 10.

(43) Исторія Государства Россійскаго.

(44) Карамзинъ—Исторія т. I стр. 129. Эту же мысль онъ еще полна объясняетъ въ примѣчаніяхъ къ I тому своей Исторіи стр. 133.

(45) Карамзинъ т. I стр. 166.

(46) Русская Исторія.

(47) Глинка т. I стр. 122.

объ основании Пскова говорить не удавалось легенды. И безъ сомнѣнй, помянуть не будетъ написано о Псковѣ вновь сочиненія такого же пошлого и достойнаго того же не уваженія, каковы пользовались и пользуются книги Иллариона и Митр. Евгения, до тѣхъ поръ много разъ еще, вѣроятно, придется слышать и читать, что Псковъ основанъ Ольгой, что на дѣвонъ берегу Волжѣ, противъ нынѣшняго собора, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ по береговьямъ усупаютъ плиты, струится ключъ, называемый Ольгинымъ, и гдѣ стоять теперь часовня, Ольга подручила вѣстѣ и предсказала возмѣненіе на свѣтъ города, которому суждено было итти такую занную роль въ Исторіи, что родна Ольга—деревня Выбуть, или Выбуть, что на томъ самомъ мѣстѣ рѣки, который называется до сихъ поръ *Ольгиными воротами* и гдѣ лежатъ *Ольгины слуды* (камни), Ольга перенесла Игря въ лодкѣ, и веза съ нимъ бѣдѣ, иттишу въ несчастствіи такое великое вліаніе и на судьбу ея самой и на судьбу всего нашего Отечества. (25)

Прощади за мнѣшныя всѣхъ коннованныхъ ямно писателей, явдыи увидитъ, что—

1) Оди въ ихъ (Лизель, Щербатовъ, Ломоносовъ, Шлегель, Карамзинъ, Полевой, Соловьевъ), согласно съ лтвонесцами, говорить, что Псковъ существовалъ уже до Ольги: они или вовсе неупоминаютъ, объ легендѣ, или, если и упоминаютъ, то прямо называютъ ее создателемъ времени уже неидеальнаго (исказили Щербатова).

(25) Да неопутать читатель, что и послѣдъ отить историческое означеніе у мѣстѣ, означенныхъ мѣстѣ Ольги. Обѣ мѣстѣхъ отихъ у мѣнъ будетъ сказано имено. Завѣдъ же и говорю только объ легендѣ, которая, вопреки свидѣтельству лтвонесцевъ, принадегъ Ольгу—основательницею Пскова.

главнаго мѣста въ окружной странѣ вѣсто Иборска. (26) е Зависимость Пскова отъ Новгородъ началась по приѣма Князей и въ послѣдствіе Княжескихъ отношеній. Братъ Рюрика, по свидѣтельству лтвонесца, скоро умерла, и Рюрикъ принялъ одиъ всю ихъ волость; следовательно—по странѣ Иборскихъ Кривичей, вѣстѣ со Псковомъ, поминалась, по смерти Трувера, Рюрику. (27) Слѣдѣ всѣхъ эти указанія, хоти нельзя сказать назвѣние—кого изъ этихъ князей почитаетъ Г. Соловьевъ, основатель Пскова, однакожъ видно, что не Ольгу. (27)

У другихъ современныхъ намъ писателей, готовшихъ покаяному вѣбудъ случаю объ основаніи Пскова, легенда объ Св. Ольгѣ (по послѣдней редакціи) принадегъ за источникъ самый достоверный. (28) Причина этого заключается однакожъ не въ томъ, чтобы акторы, въ слѣдствіе историческихъ замѣчаній и соображеній, предпочли этотъ источникъ намекамъ и свидѣтельствамъ лтвонесцевъ, а въ томъ, что основаніе Пскова не было предметомъ ихъ специальныхъ исследований, и потому они обращались за свѣдѣніями готовили уже, къ сочиненіямъ, посвященнымъ имено замѣчаніямъ о началѣ и судьбѣ Пскова. Такимъ сочиненій въ настоящее время только два: *Историческое описаніе г. Пскова*,—Ильинскаго, и *Исторія Княжества Псковскаго*,—Митр. Евгения. И въ томъ и въ другомъ,—какъ мы видѣли выше,—

(26) Така же т. 3 стр. 28.

(27) Соловьевъ—т. 3 стр. 26.

(28) Я упоминаю объ Миллерѣ, котораго у мѣнъ итъ подъ рукою; но Карамзинъ свидѣтельству (т. I вѣствѣ, стр. 133), что Миллеръ думалъ, что Псковъ построенъ до Ольги.

(29) Въ Исторіи Пресе Устралова итъ именованіе объ основаніи Пскова; писано даже, откуда привезена была Ольга.

2) Другие (Татищев, Халков, Болтин, Сочинитель записок касательно Русской Истории, Ильянский, Глинка), согласно с легендой, утверждают, что Псков основан Ольгой. Давно и как-то образно сложилась такая легенда, они не говорят, а прямо признают ее документом историческим, неподлежащим сомнению. Они же соглашались с легендой только в одном, что родители Ольги были люди незнатные, и вывозить роль ей от Гостынского. Но здесь естественно представляется вопрос: если не верить легенде в том, что родители Ольги были люди незнатные, то за чью же верить, что Ольга основала Псков? или: если верить легенде в том, что Ольга основала Псков, то за чью же верить, что родители Ольги были люди незнатные? Конечно согласен, что вопрос этот самый естественный и самый существенный в этом случае; между тем она остается почти без ответа исследователи легенды. Ссылка на Стрыйковского, (которого сами же они жестоко осуждают за много), на какой-то раскопанный список, (которого однакоже нигде нет), на Иакинфовскую грамоту (очень сомнительную) и наводит на предположение (что Кингидь предчине нести роль свой от Кива), ничего не доказывает.

3) Третье (Митрополит Евгений, и другие, современнее уже назв, писатели, напр. Плюшкин, Протоиерей Малевский) строго держатся справедливости легенды (последней ее редакции). Правда и они ничего не говорят о времени, когда и как сложилась легенда, за то некоторые из них доказывают естественность ее своим образом, — а именно:

а) До сих пор еще одна из вятичей, на левом берегу Великой, против бывшего собора, на-

26	<p>известна <i>Ольгиница</i>; следовательно как же не верить словам легенды: «приде (Ольга) къ берегу рѣки, глаголюи Великой—и бысть противу того мѣста, вѣже въ рѣку Великую шла рѣка отъ Востока текущая, Псковъ нарицаемая, вышавъ и видѣ объ оувъ погъ рѣки, отъ Востока три прясветлыи лучи съ небесе на та мѣста сложави?» . . . . . Была же малая иная причина, что клеть некои называется Ольгиница; и если причину эту легенда объясняет просто и точно, то за чью же не признавать такого объясненія?</p>
<p>б) До сих пор еще два рукава р. Великой, омывшие небольшую островок, — версты съ полторы по шире селения Выбутъ, — называются: одинъ, который гудежа, <i>Ольгиница северная</i>, другой, который мелче, <i>Ольгиница средняя</i>. Как же не верить олиць словам легенды: «родилася Ольга въ пещи, нарицаемой Выбутъ-склоб, яке и ширъ есть близъ града Пскова?» Как же не предположить, что въ этомъ именно мѣстѣ, близъ острова, Ольга переманила въ ложахъ Игоря?</p>	<p>в) До сих пор еще хранится, какъ святыня, въ Псковскомъ Троицкомъ Соборѣ деревянный крестъ, сдѣланный въ 1623 году по образу того креста, который водруженъ былъ на берегу р. Великой Ольгой, и который сгорѣлъ въ время пожара, неслучайнаго весъ Псковъ, въ 1509 году. Какъ же не верить олиць словам легенды: «та рѣчка, поименна (Ольга) доводила къ Богу, и крестъ тамо (на берегу Великой) постави?»</p>
<p>г) До сих поръ еще живеть въ Псковѣ преданіе объ Ольгѣ, совершенно согласно съ легендой: каждый Псковичъ знаетъ, что Псковъ основанъ Ольгой, что часовня у клеча Ольгиница поставлена на томъ мѣстѣ</p>	

ель Ольминга, как-то: въ Киевѣ и у Николая на Нуровѣ.» Совершенно согласно съ этимъ: какъ было известно по Русской землѣ *лощина, знаменитъ, мѣсто и южнѣе Ольги*, также точно могло быть и нѣсколько *мѣстехъ* въ окрестностяхъ ея; нѣтъ, если въ другія мѣста не сохранились эти памятники, и нѣтъ на повѣствованіи Псковичей, что они не забыли ни *Ольминга* въ *воротахъ*, ни *Ольминга слободы*, ни *Ольмина креста*. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что родна Ольга—деревины Выбуты или Лыбуцы, что Псковъ основанъ Ольгой, что *Ольгина верою* и *Ольгини слободы*—есть то самое мѣсто, гдѣ Ольга переезжала Игоря въ лѣтъ, что *Ольминъ* ключъ бѣжитъ у того самого мѣста, гдѣ Ольга предвѣстила половецкіе нашествія Пскова, и гдѣ она воздвигла кресты. Изъ этого слѣдуетъ только, что слѣды, оставленные Ольгой по всей Русской землѣ,—какъ свидѣлствуютъ объ нихъ летописцы,—во многихъ мѣстахъ уже совершенно исчезли, на разныя же Ольги, благодаря средней памяти ея земляковъ, сохранились, и до сего поръ, во крайней мѣрѣ *мѣсто мѣста*—свидѣтелей какихъ нибудь мѣстъ Ольги. Я говорю сохранились *мѣсто мѣста*, а не слѣды богатія, южнѣе мѣста эти были свидетелями; богатія исчезли. Но легенда, сложившаяся, и нѣтъ уже случай говорить, никакъ не развѣе поща XIV столѣтія, а ипроче, но еще позже,—въ готовились именами причесала чуждыя нѣтъ богатія: она, въ этотъ случай, подожа на кукурузу, которая владеть своей нѣтъ въ рѣченныя уже, чужія гитыла. Съ тѣхъ поръ пошли въ мѣстѣ разсказахъ, которые слышались въ Псковѣ и до сихъ поръ, и которые предвѣстили легенды называть *земельныя предвѣстія*. Значу еще одно очень важное обстоятельство: если бы раз-

мѣста, гдѣ Ольга воздвигла крестъ, что означеніе Выбуты—родна Ольга, что у острова, образующаго рукава рукавами р. Валовой (Ольгина верою и Ольгини слободы): Ольга переезжала Игоря въ лѣтъ. Предвѣстія это случается издревле: доказательствамъ служатъ слыши названіе усомнившихся мѣста.

Доказательства эти были бы весьма убѣдительны, еслибы мы не знали, что легенда объ Ольгѣ не была известна гдѣ въ XII и въ XIV ст. и что она есть совершенно зрѣлымъ уже позднѣйшимъ. Въ самомъ дѣлѣ, что за необходимость была Псковскому летописцу рыться въ *летописи* и отыскивать, не сказано ли тамъ чего нибудь объ основаніи Пскова, если жальше памятники, находящіяся передъ глазами его—Ольгинъ крестъ, Ольгинъ ключъ, Ольгини верою и Ольгини слободы—исно и убѣдительно говорилъ ему, кто основатель Пскова, и гдѣ родна Ольга? что за необходимость ему была прибѣгать: стоило указать, кто былъ уже (Псковъ) въ то время, какъ пошла на Киевъ Рюрикъ съ братьями изъ Варяга въ Славяно княжить? Исно, что поименованное имя памятники говорили летописцу не объ родна Ольги и не объ основаніи ея Пскова, а о чемъ-то другомъ,—можетъ быть о томъ же, о чемъ говорили многіе другіе памятники, поименованные летописцемъ Киевскимъ: «Мѣста ея (Ольги) суть по всей землѣ, знаминыя и мѣста и новосты, и сами ея стоять въ Псковѣ и до сего лѣта»—т. е. что благочестивая Русь сего хранитъ въ памяти своей каждый слѣдъ, оставленный на землѣ *серебряннѣйшей Млостомоловъ*. Самъ Митрополитъ Бегеишъ извѣщаетъ, (60) что, «во подобіе Ольгина верою была кресты и въ другихъ мѣстахъ подѣ названіи» (60) Сл. его Стефанъ Калкостас Шеховцаго—часть 3 стр. 3.



принадлежащие прежде какому нибудь монастырю или зажиточному человеку, и окупившиеся ныне всею судьбою средь вешенокных их дноров или оторозов, въ потреба для христана шва, зина, овешей и прочех съдѣстныхъ припасовъ.... Грустно видѣть, какъ рѣдко случается наткнуться на человека, который заботы себя въспроситъ о томъ: что это за фундаментъ? казней черни эти развалины? когда построены эти башни? что это за подвалы и кому въ старину принадлежалъ она? Между тѣмъ—странное дѣло—въ душѣ этого не самого молодца, которое непременно хочеть приписать Ольгѣ основана Пскова, и которое не принадлежитъ однакожъ правъ на благоговѣнное уваженіе во множествѣ памятниковъ, которые у него ежкожемо передъ глазами и подъ ногами,—въ душѣ этого же самого молодца, говорю, является тѣсная грѣза о какомъ-то неопредѣленномъ рѣдѣ лѣтъ проживахъ Псковова, Сирогитѣ: сколько лѣтъ церкви *Св. Георгия со влосоза*? Въашъ отвѣтъ: что—шъ вошшу: она построена въ 1484 году! Спросите когда построена первая церковь *Св. Анастасіи*? Въашъ отвѣтъ: никакъ давао,—въ годъ черной смерти (1487). Старыни построивани назывутъ развѣ монастырь Іоанна Предтечи (на Завеличѣ), которому 700 лѣтъ, да монастырь Свасо-Мироновскій (при устьѣхъ Мирожѣ); которому 800 лѣтъ. Какіе цѣфры!

Этихъ я обаяннано исследованій моя обѣ основанія г. Пскова. Читатель имѣлъ случай видѣть сама, что свидѣтельства лѣтописцевъ, а за ними и лучшхъ нашихъ писателей—историковъ, заставляютъ думать, что Псковъ основанъ была до женитьбы Игура (вълѣ 903 г.) и даже до рожденія Ольги. Съ свидѣтельствомъ же писателей, домысливаши, что городъ этотъ обаянн бытъиенъ своимъ Ольгѣ, согласается некая; потому что доказатель-

вощили намя копотлывае ума! Лучезарный влещъ *Св. Ольга* не нуждается ни въ какихъ прикрасочныхъ украшенияхъ, тѣхъ болѣе, если украшения эти слѣзаны по изъ чистаго золота правды. Не будемъ безъ причины отнказъ и у Пскова—нашего стараго Пскова—драгоценнаго для него права—называться каамбеляю *Св. Ольги*.

*Грустно видѣть*, когда ковоо, благоденствующее на-въ поколѣніе Пскововетей,—котороо, замѣчу мимоходомъ, всего жарче ругутъ за мысля обѣ основанія Пскова *Ольгоо*,—остаетея дозольно злодичнаа зрительнѣ дру-гихъ свидѣннхъ памятниковъ старина, которани такъ богаты нашъ тысячелѣтній Псковъ. Грустно видѣть, какъ окаяннано сотни людей равнодушно испираютъ ногами платные фундаменты бляхъ когда-то церкви и домовъ, выходящія, то дугой, то углохъ, изъ подъ новыхъ построекъ, и бляхѣннѣ среднѣ уличной шлѣи, подобно костямъ мертвецовъ, встайшихъ безъ погребенія.—Грустно видѣть, какъ сотни людей равнодушно прокопнѣтъ ннко развалины старинныхъ церквей, выказывающія, обезображенныя временахъ, остоны свои ногла изъ-за наетня чьего нибудь огорода. Грустно видѣть, какъ сотни людей ежкодневно встодатъ на обросшиа мохомъ и покрытыя трещинами величавыи башни городскихъ стѣнъ для того только, чтобы выкурить изъпроску и полюбаваться *весеелекомнѣ* вѣломъ какой нибудь части города или его окрестностей. Грустно видѣть, какъ сотни людей разбавривутъ цѣлыми возами обломки плитъ,—печальные останки ка-кого нибудь древнаго здания,—для того, чтобы утробоватъ или дорожкѣ своего садаа, гдѣ съ такимъ удовольствіемъ въ лѣтній вечеръ можно накуматься чаю. Грустно видѣть, какъ многіе, и очень многіе, ищроченъ поучтываю и достойннѣе, домохозяева, превращаютъ подвалы.

ночь только सदस्ति звучит, а не на логической связи этих слов. Не слышно еще было никогда и тогда так как приоткрыть, чтобы имена городов заимствованы были от особенного характера, подмеченного в динифин под тех уток, при которых стоит эти города, или от направления русла рѣчки, — колхозы ли оно (шесель) или другая часть у города. При томъ можно да знать набрива, что тысячу летъ тому назадъ, въ языкѣ первыхъ строителей Пскова существовали уже слова *пласо* и *пласкати*, и по было какого забуду друтого слова, которое бы съ словомъ *Плесковъ* не только сходило было по звукамъ, но и могло бы и логическую связь?

По святительству Митрополита Евгения, некоторые объясняют происхождение названія *Плесковъ*—вобще: они говорятъ, что Ольга во время путешествія своего въ Константинополь, увидѣвъ почему то Болгарскій городъ *Плескову*, назвала этимъ же именемъ и свой городъ, т. е. нынешній Псковъ. Это объясненіе можно бы было допустить, только какъ *догадку*, если бы Псковъ действительно построенъ былъ Ольгой. Живнотисатель Ольга произвондигъ названіе Пскова отъ рѣки Псковы, которая, — подсаивегъ Митрополитъ Евгений, — такъ названа отъ песчаного озера и пскова, назъ которыхъ она вытекаетъ и которые окружаютъ со всѣхъ сторонъ г. Псковъ. Но а) живнотисатель Ольга, передавая легенду, записанную первоначально въ Степенной книгѣ, произвольно измѣнилъ слово *Плескова* въ *Пскову*. Въ догдѣтѣ названіе: рѣка *Плескова*, а не *Пскова*. б) Выше сказано уже было, что слово *Плесковъ* есть только сокращеніе слова *Плеское*, следовательно не имѣетъ никакой родственной связи съ словомъ *пескомъ*.

сталъ ихъ неудовлетворительны. Нельзя также сказать положительо—основанъ ли Псковъ до Рюрика, или при Рюрике или въ началѣ княженія Олега. Въ лѣтописяхъ (а то не во всѣхъ спискахъ) глаголю только говорятъ, что Славяне послѣ першого князя Варяговъ, начали селити народы. Точно такое же глаголю упоминаніе объ этомъ есть и при Олгѣ.—Но что это были за роды, или изъ какихъ ихъ, ничего неизвѣстно. Въ пользу до—Рюриковского существованія Пскова говорятъ только преданіе, существовавшее во Псковѣ во времена лѣтописца, т. е. въ XIV столѣтіи: «только утѣдѣмъ, или было уже (Псковъ) въ то время, какъ началъ князь Рюрикъ съ братією изъ Варягъ въ Славяне княжить.»

Въ заключеніи скажу еще нѣсколько словъ объ имени г. Пскова.

Въ лѣтописяхъ и другихъ старинныхъ памятникахъ писанности имя г. Пскова пишется различно: *Плесковъ*, *Плескоу*, *Плеско*, *Пскова*. Чѣмъ явнѣе назывались, тѣмъ больше это слово. Въ самыхъ древнихъ постононо илется *Плесковъ*. Въ такомъ же видѣ слово это осталось и до сихъ поръ въ нашихъ Остзейскихъ Губерніяхъ, которые обитатели вырѣзали узнали его отъ самихъ Псковичей. Следовательно слово *Псковъ* есть только сокращеніе слова *Плесковъ*.

Откуда взялась слово *Плесковъ*—рѣшить очень трудно.

Татищевъ (63) производитъ его отъ слова *пласкати*, — но очевидно, производство это основано на ошибкѣ. См. его Истор. м. т. 2 стр. 290 примѣч. 128.

35

Изъ всего этого можно вывести только вотъ какия заключеніе: Псковъ назывался прежде Плесковъ. Слово Плесковъ постепенно соотвѣстало съ словомъ Псковъ. Что значило слово Плесковъ—не вѣдѣстно. Для объясненія этого слова вужно идти, во-первыхъ, тогда именно и къъ востроумію Пскова; во вторыхъ—быть знакомымъ съ языкомъ пермалъ его строителей.



Новое зданіе Псковской гимназии